

© Т.А. ГАЛЛЯМОВА, Е.Н. ЭРТНЕР

tatosi@list.ru

УДК 81

ОБРАЗ РУССКОГО ПОЛЯ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается образ русского поля, как один из основополагающих образов, характеризующих пространственную организацию романа «Жизнь Арсеньева», что способствует пониманию фрагмента картины мира Бунина. В центре внимания — пространство русской земли.

SUMMARY. In this article the image of the Russian field as one of the fundamental patterns characterizing the spatial organization of the novel “The Life of Arseniev” is described. It facilitates better understanding of Bunin’s worldview. The space of the Russian land lies in the focus of attention.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Образ поля, пространство русской земли, простор.

KEY WORDS. An image of the field, space of the Russian land, expanse.

Иван Алексеевич Бунин открыл миру новую страницу русской прозы, в которой осмысливаются «вечные» истины. Читателю открывается возможность глубокого (глобального) осмысления и дня сегодняшнего, и «вечных» истин. В творчестве Бунина отразились и гордость за свою родословную, и дворянский быт и культура, и специфический уклад целого социального пласта, безвозвратно смытого временем.

Оказавшись за рубежом, Бунин продолжает писать о России. Но тема России приобретает иной характер. Почти во всех произведениях звучит сквозной мотив воспоминания. Бунин пишет о родине, потерянной навсегда. «Жизнь Арсеньева» — наиболее значительное произведение Бунина эмигрантской поры, которое представляло и представляет особый интерес для исследователей. Оно резко выделяется по охвату жизненного материала, по широте и разнообразию проблематики. Роман этот носит итоговый характер, обобщая явления и события почти полувековой давности. В романе развивается тема русской усадьбы, русской жизни, что связано с самим Буниным.

Человек, по Бунину, может попадать во власть пространства. Приоритетный пространственный образ, воплощающий русскую землю, — поле. Одиночество во Франции, небольшой стране, вызывает тоску по бескрайнему простору русского поля.

Значение слова «поле» в русском языке многозначно: 1) простор за городом, селеньем, безлесная незастроенная, обширная равнина; 2) пашня, нива, засеянная хлебом, 3) простор, грунт [1; 258], 4) пространство, охватываемое глазом [2; 957].

Для Бунина русское поле способно соединить космически вселенское и национальное, позволить художнику проникнуть в тайну бытия России. Русское поле в романе есть олицетворение Богом данного Руси пространства.

Открыв для себя близлежащее пространство усадьбы, герой начинает обживать пространство поля, и далее — овраг, ригу, гумно, Провал, Выселки. Стихия «пустых пространств» захватывает, берет в плен героя. Так, мотив русского поля связан с мотивом одиночества. Пустынные поля — олицетворение глухой Руси: «Может быть, мое младенчество было печальным в силу некоторых частных условий? <...> **Пустынные поля**, одинокая усадьба среди них. <...> Зимой **безграничное снежное море**, летом — **море хлебов, трав и цветов...** И вечная тишина этих полей, их **загадочное молчание...**» [3; 9]. Необходимо отметить, что эпитет «пустынные» не предполагает физической «незаполненности» пространства. Это ощущение пространства героем, постижение пространства в себе. Герой пропускает пространство через себя, наполняя его собственными смыслами. Всегда есть восприятие пространства. Постигание Арсеньевым тайны бытия России, русской земли делает его национальным писателем. Россия, русское поле — место-загадка. Знание русской тайны полем, русским простором Арсеньеву видится истинным, он хотел бы расслышать «слово» русской земли и, став сопричастным тайне, обрести свой путь в национальной культуре. Русская земля, русское поле обладают голосом, но слово их — в молчании. При этом таинственное постигается не отгадыванием, а ощущением, переживанием таинственного. Бунин неслучайно метафорически осмысливает поле как море хлебов. Здесь важна генетивная характеристика земли. Большое значение в романе приобретает символика хлебопашества. Арсеньев вспоминает, как любил крестьянскую работу, как косил до кровавых мозолей, но засыпал с блаженной мыслью «завтра опять косить!», как возил хлеб, как тужился вместе с лошадей, как молотил с утра до позднего вечера. Поле «сливает» дворянскую и крестьянскую психологии, как писал Бунин.

Уподобление земли, суши водному пространству (морю, океану) говорит, с одной стороны, о ее стихийности, с другой стороны, характеризует поле как безмерное, однородное пространство. Море хлебов может быть «желтым, густым и буйным в разгаре лета» (с помощью этих эпитетов Бунин задействует зрительное и тактильное восприятие пространства), может «серебриться на солнце», может быть «коричневым ближе к осени», «безграничным, снежным» (зрительное и тактильное восприятие) — зимой, то есть земля всегда «живет» во времени и символизирует смену времен года. Возникает особый хронотоп поля, земли. Для Бунина всегда важна цветовая характеристика. Согласно словарю символов, теплые желтые тона разделяют солнечную символику золота. Желтый цвет является цветом юности, счастья и изобилия. Он имеет очень высокую символическую ценность в странах, где исповедуется буддизм, из-за своей ассоциации с шафрановыми одеяниями буддийских монахов. Этот цвет, который первоначально носили преступники, был выбран Гаутамой Буддой как символ смирения и отделения от суетного мира [4; 96]. Желтый цвет полей у Бунина — символ юности, радости и изобилия. Герой отделяется от суетного мира, обретая гармонию в мире природы.

Символика серебристого цвета — чистота, целомудрие и гармония [4; 325]. Серебристый оттенок полей символизирует чистоту, гармонию с миром. В душе Арсеньева появляется надежда на счастливое будущее.

Коричневый цвет — символ смирения, отречения, бедности — символизм, вероятно произошедший от очевидных и закономерных ассоциаций с неплодородной глинистой почвой [4; 156]. Коричневый цвет поля символизирует смирение с тем, что на смену теплоте, плодородному лету должна прийти осень. Коричневый цвет поля у Бунина является символом разлуки, отречения. Герой прощается с полем, со всем, что ему было дорого «в глухом и забытом краю».

Белый цвет поля у Бунина — символ чистоты, умиротворенности, с другой стороны, он может быть символом смерти: «За что именно ее [Надю], радость всего дома, избрал Бог? Весь дом был угнетен, подавлен, и все-таки никто не чаял, что этот гнет так внезапно разрешится в некий поздний вечер криком няньки, вдруг распахнувшей дверь в столовую с дикой вестью, что Надя «кончается». Да, это потрясающее слово — «кончается» — раздалось для меня впервые поздним зимним вечером, **в глубине темных снежных полей**, в одинокой усадьбе!» [3; 37]. Здесь важен эпитет «темные», которым наделяются «снежные поля». «Темные снежные поля» рождают в русском человеке философа.

Поле — открытое пространство, не имеющее границ, способное «поглотить человека». А.К. Грек отмечает: «Имена с собственно пространственной семантикой выражают идею безбрежного (иногда открытого), равнодушного к человеку или угрожающего ему пространства» [5; 395]. Иногда Арсеньев теряется в пространстве поля, поэтому оно наделяется признаками, связанными с грустью, тоской. Мир заставляет задуматься над вопросами бытия. Человек находится под воздействием этого мира.

Бунин отмечает, что тоску, вызванную «зовом пространства», может почувствовать только человек. Арсеньев вопрошает: «Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся...» [3; 9].

Связь человека и места, где он рожден, подтверждал философ Н. Бердяев в размышлениях «о власти пространств над русской душой»: «Огромное значение имеет «фактор географический». <...> **Русская душа подавлена необъятными русскими полями** и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в необъятности... (курсив наш. — прим. авт.) Русский человек, человек земли. Сами эти пространства можно рассматривать как внутренний духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души» [6; 62-63]. Бердяев объясняет широту русского характера: «Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [6; 65]. Тема пространственной беспредельности — один из структурообразующих элементов русской культуры. В творчестве Бунина отчетливо звучит мотив «простираания». Не случайно Балавин говорит Арсеньеву: «Вы вообще, я полагаю, служить не можете — не те у вас мечтания. Вы, как говорится в оракулах, **слишком вдаль простираетесь**». На что Арсеньев замечает: «И впрямь: втайне **я весь простираюсь в нее**» [3; 131-132]. Одно из значений лексемы «простирается» в рус-

ском языке — протягиваться вдаль [1; 470]. Арсеньев тем самым чувствовал необходимость «обживания» мира, постижения пространства.

Герой вспоминает: «Я родился и рос (...) совсем **в чистом поле**, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле **кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле**, с которым **сливалась** она? Но ведь все-таки **поле да небо** видел я» [3; 36]. Атрибутивная конструкция «чистое поле» является фольклоризмом, она обращает нас к русскому фольклору и к древнерусской литературе. В древнерусских памятниках природа олицетворяла русскую землю. Человек снова оказывается во власти пространства. Это пространство неподвластно человеческим измерениям.

Пространство усадьбы сливается с беспредельным полем, с простором. Слово «простор» связано со словом «простираание». В русском языке исследователи обнаруживают следующие смыслы слова «простор»: 1) простое, пустое, ничем не занятое место, относительную (не безусловную) пустоту; 2) пространство по рем размерам своим; 3) свободу, волю, раздолье. «Простирается» - распространяться, занимать какое-нибудь пространство [1; 470]. Эти понятия противопоставлены понятию «уют». Именно поэтому герой не может смириться с мыслью о женитьбе, детях, уютной семейной жизни: «Неужели и впрямь мы сошлись навсегда и так вот и будем жить до самой старости, будем, как все, иметь дом, детей? Последнее — дети, дом — представлялось мне особенно нестерпимо» [3; 230]. Пространство дома противопоставлено пространству поля: «Я помню немало таких дней, скудных, коротких (...), **грустно томивших и домашним уютом**, и мечтами то о старине города, то **о вольных осенних просторах, видных из него**» [3; 61]. Арсеньев видит вольные просторы, его душе необходим выход за пределы дома, даже за пределы города.

По словам Ю. Мальцева, «темная и таинственная жизнь души (...) разрушает время», что ведет «к освобождению от времени, о котором мечтал Бунин» [7; 105]. Но она «не освобождает» от пространства. Что же это за пространство? Если «главным героем» произведения становится «русская душа», то в традиции, основанной еще литературой древней Руси, ее пространством должна явиться русская земля [8; 153]. В романе «Жизнь Арсеньева» пространством «русской души» является, в первую очередь, русское поле. Открытость, беспредельность пространства обуславливает особенности ландшафтного мышления. Это особо важно для раскрытия в себе художника, становления писателя.

Арсеньев чувствует то, что может почувствовать только художник, открывший в себе «голос» русской земли. Природа у Бунина пантеистически наделена душой и мудростью: «Глубина неба, даль полей **говорили мне о чем-то ином**, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, **трогали непонятной любовью и нежностью** неизвестно к кому и чему...» [3; 9]. Эпитетом «**непонятной**» (любвью) подчеркивается тоска героя по трансцендентному. «Перед нами опять открылся вдали знакомый мир — поля, их деревенская простота и свобода» [3; 12]; «Где я родился, рос, что видел? Ни гор, ни рек, ни озер, ни лесов, — только кустарники в лощинах, кое-где перелески и лишь изредка подобие леса, какой-

нибудь Заказ, Дубровка, а то все **поля, поля, беспредельный океан хлебов...**» [3; 15]. Немаловажную роль здесь играет звуковое восприятие. Неоднократное повторение лексемы «поля» подчеркивает беспредельность, неограниченность пространства. Здесь земля снова предстает как стихия.

Русское поле может быть олицетворением гармонии, райским местом провинции: «...отливая тусклым серебром, **без конца бегут** по косогорам волны **неоглядного ржаного моря**. Они лоснятся, переливаются, **сами радуются** своей густоте, буйности...» [3; 16]. Художник увековечивает миг, в котором проявляется божественная красота и радость мира. Поле приобретает значение стихийности, однородности. «Неоглядные волны ржаного моря» становятся символом непрерывного движения. Природа здесь — главное действующее лицо, которое ведет самостоятельную жизнь: «Поля были уже пусты и просторны, но еще по-летнему **светлы и веселы**» [3; 44]. Таким образом, поле у Бунина выступает в роли субъекта.

Чувство радости у героя может вызвать полевой простор: «сухо блестел и **желтел полевой простор**, откуда **тянуло** теплом, светом, счастьем последних летних дней» [3; 45]. Здесь появляется безличная форма — «тянуло». Желтый полевой простор — символ света, тепла, достатка, благополучия, молодости и радости. «Радовал **солнечный, сухой простор полей, открытые** и как бы **песчаные поля** были без конца покрыты копнами. Все во мне требовало чего-то **отчаянно-ловкого**» [3; 171]. Что значит для Бунина «отчаянно-ловкого»? Здесь идет речь об удали, которая присуща русскому характеру. Человек находится во власти пространства, «солнечного, сухого простора полей». Он уже не подчинен полностью своей воле и привычной логике. Простор полей открывает русской душе возможность «разгуляться». Для Бунина важно, что ощущает человек в такой обстановке, каким он становится на этой земле. Эпитеты «**солнечный**», «**сухой**», «**открытые**», «**песчаные**» задействуют зрительное и тактильное восприятие.

Поле, как и огород, поит и кормит: «...мы **шли дальше**, обходя **Заказ** по густому просяному полю, **шелковисто блестящему** под солнцем **своими** коричневыми, **склоненными к земле кистями**, полными **зерна**, которые особенно **сухо** и **звонко**, бисером **шумели** под **нашими ногами**» [3; 45]. На звуковом уровне мы видим следующее: Бунин актуализирует прием аллитерации: «з-л-с-ш». Это помогает нам услышать сухой и звонкий шум зерен. Во всех описаниях природно-предметного мира у Бунина мы наблюдаем живопись словом. При этом Бунин не комментирует свои ощущения, они передаются посредством звука. Поле здесь — символ плодородия, достатка, радости. Бунин передает в романе процесс связи человека и места. В метафорическом смысле герой питается словом русской земли, слышит его, владеет этим словом. Герой втянут в жизнь поля, поэтому он чувствует его, ощущает вселенское одиночество.

Таким образом, голос русской земли, русского поля Бунин слышит в себе самом, что и помогает ему стать русским писателем. Власть пространства, в данном случае русского поля, закрепляется над русской душой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. Т.2. М., 1990. С. 258, 470.
2. Словарь современного литературного языка: в 17 т. Т. 10. (По - поясочек) / Под ред. К.А. Тимофеева, Н.М. Меделец. М., Л., 1960. С. 954-957.
3. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность: собр. соч. в 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 7-251.
4. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 1999. 448 с.
5. Грек А.Г. Пространство жизни и смерти в двух циклах стихов Вяч. Иванова // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 94.
6. Бердяев Н.А. Душа России // Судьба России. М., 1990. 383 с.
7. Мальцев Ю. Иван Бунин (1870-1953). М., 1994. 432 с.
8. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX - начала XX века. Тюмень, 2005. 212 с.
9. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М., 2004. 376 с.
10. Бергер Л.Г. Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля // Вопросы философии. 1994. №4. С. 114-128.
11. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. М., 2000. С. 127-135.
12. Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. 254 с.